

А.В. ФЕЛЬКЕР*

ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЛЕДИЯ И ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ – В ПОИСКАХ ОБЩИХ ПОДХОДОВ¹

Аннотация. В статье представлен обзор исследований наследия, а также анализ конкретных ситуаций (case studies) и методов, одинаково актуальных для изучения наследия и политики памяти. Авторы, заложившие основы дисциплины *Heritage Studies*, настаивали на том, что прошлое является конструктом, которое в виде наследия повсеместно используется в идеологических и коммерческих целях. Оставаясь верными данному методологическому принципу, работы последних лет значительно расширили понятийный аппарат дисциплины. Восточная Европа представляет интерес для исследований на пересечении наследия и политики памяти как регион с высокой концентрацией конкурирующих нарративов. Однако, как видно из публикаций последних лет, предложить общую рамку развития ситуации с наследием в регионе все еще представляется неразрешимой задачей.

Ключевые слова: историография; наследие; политика памяти; Восточная Европа; методология.

Для цитирования: Фелькер А.В. Исследования наследия и политики памяти – в поисках общих подходов // Политическая наука. – М., 2018. – № 3. – С. 32–52. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.02

* **Фелькер Анастасия Владимировна**, PhD, выпускница программы «Управление и развитие культурного наследия» Школы фундаментальных исследований в Лукке, Италия, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: anastasia.felcher@alumni.imtlucca.it

Felcher Anastasia, independent scholar (St. Petersburg, Russia), e-mail: anastasia.felcher@alumni.imtlucca.it

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

A.V. Felcher
Heritage studies and the politics of memory –
in search for common approaches

Abstract. This article provides a historiography review of heritage studies, as well as examples of case studies and methods that are equally relevant for the study of heritage and politics of memory. The founding works of the Heritage Studies discipline insisted that the past is a construct universally used for ideological and commercial purposes. Following this methodological principle, contributions of recent years have significantly expanded conceptual framework of the discipline. The region of Eastern Europe is of interest for studies at the intersection of heritage and memory politics as the area with a high concentration of competing narratives. However, as one may observe in publications of recent years, offering a general framework for developments with heritage matters in the region remains to be a challenging task.

Keywords: historiography; heritage; politics of memory; Eastern Europe; methodology.

For citation: Felcher A.V. Heritage studies and the politics of memory – in search for common approaches // Political science (RU). – М., 2018. – N 3. – P. 32–52. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.02

Введение

В ноябре 2017 г. Гётеборгский университет анонсировал запуск новой серии публикаций «Критические исследования наследия» (*Critical Heritage Studies*) в рамках проекта *Cambridge Elements Series*, стартующего в 2018 г. Серия должна включить до 50 оригинальных публикаций, доступных в электронном виде [New book series... 2018]. Решение выделить отдельную серию публикаций сигнализирует о достижении определенного этапа в становлении изучения наследия как академической дисциплины (*Heritage Studies*). Со времени начала своего становления, прошедшего на 1980-е годы, исследования наследия накопили достаточный объем знания, чтобы разделиться на несколько взаимосвязанных, но отдельных ответвлений. Кроме уже упомянутых критических исследований наследия следует назвать исследования управления наследием (*Heritage Management*), законодательства в области наследия (*Heritage Legislation*), политики (охраны) наследия (*Heritage Policies*) и т.д. Развитие дисциплины можно проследить на примере динамики институционализации. Последняя демонстрирует стремительный и глобальный рост популярности, но

также и параллельной сегментации как образовательных программ в области наследия, так и академических проектов.

Важно понимать, что, с одной стороны, исследования наследия во многом опираются на достижения смежных дисциплин, таких как история, история искусств, социология, антропология, этнография, теория и практика архитектуры, реставрация, музейное дело и др.¹ С другой стороны, центральная проблема исследований наследия – в том, каким образом прошлое, понимаемое как комплекс объектов и смыслов, используется в настоящем – посредством практик и создания (новых) смыслов. Специалисты в данной области исходят из того, что наследие создается человеком путем выбора, что сохранять, а что нет, и путем формирования определенных дискурсов. Наследие включает в себе множество смыслов, зачастую конкурирующих друг с другом. Так, на наследие направлена полифункциональная агентность человека – как сообществ разных уровней, так и отдельных индивидов. Понимание наследия и практик его интерпретации ожидаемо менялось с течением времени, и одна из целей исследований наследия – проследить эту эволюцию и динамику. Агентность по отношению к наследию может проявляться в действии, бездействии, восприятии и др., но всегда имеет последствия. Эти последствия, равно как и принципы дискурсивного построения и комплекс действий по отношению к наследию, изучают на примере конкретных ситуаций (case studies) [Carman & Stig Sørensen, 2009 b, p. 20].

История и свойства предметов, объектов и практик, которые принято относить к наследию, изучались задолго до 1980-х годов, однако именно в этом десятилетии были опубликованы работы, задавшие методологическую рамку дисциплины. Это были тексты историков и географов, в которых представлялась новая интерпретация прошлого (и наследия как его носителя). В 1985 г. была опубликована книга Дэвида Лоуэнтала «Прошлое – чужая страна» [Lowenthal, 1985], она состояла из трех разделов, в каждом из которых автор рассматривал примеры того, как прошлое в разные периоды и на разных континентах влияло на построение настоя-

¹ Несмотря на то что университетские программы, посвященные наследию, ориентированы на подготовку специалистов, сведущих как в теории, так и в практике, потенциал размежевания и отсутствия кооперации между теоретиками и практиками в этой сфере остается высоким.

шего. На страницах этой книги автор развернул дискуссию о разнице между памятью и историей, а также ввел сюжет, остающийся и сегодня популярным у исследователей наследия и памяти, – о репрезентации прошлого в музеях и СМИ. В 1987 г. увидела свет провокационная книга Роберта Хьюисона «Индустрия наследия: Великобритания в условиях упадка» [Hewison, 1987]. Автор показывает, как в условиях послевоенной экономической и социальной неопределенности образ прошлого постепенно становился все более сглаженным и идеализированным. Это, по Хьюисону, стало отправным пунктом в развертывании индустрии наследия, которая при поддержке государственных институтов и повсеместной музеефикации объектов архитектуры и ландшафтов стремится создать образ прошлого, какого на самом деле никогда не существовало. В этом ключе написаны многие более поздние знаковые работы по наследию¹. Выдающийся труд команды французских ученых, состоящей более чем из сотни исследователей под руководством Пьера Нора, исследовал формирование французской национальной идентичности на примере создания мест памяти по всей стране. Коллекция из семи томов под общим названием «Места памяти», изданная в 1984–1992 гг. и вскоре переведенная на английский [Realms of memory, 1997], является общепризнанной историографической вехой. Именно эти работы закладывали методологические основы дисциплины изучения наследия.

Более поздние знаковые работы развивали понятийный аппарат дисциплины и изучали, как использование прошлого «работает» вне классических примеров прославления героических свершений. Следует упомянуть книгу Лораджейн Смит «Использования наследия» [Smith, 2006], где было введено в оборот понятие *авторизованного дискурса наследия* (*authorized heritage discourse*). По Смит, такой дискурс нацелен на некритическое понимание наследия, что способствует достижению консенсуса относительно прошлого, сглаживанию конфликтов и социальных различий. Этот дискурс

¹ К примеру, коллективная монография «Преумножая прошлое: Наследие, самобытность и место в многокультурных обществах» [Pluralizing pasts... 2007]; коллектив ее авторов внес весомый вклад в развитие дисциплины изучения наследия, в том числе в развитие понятийного аппарата. Одна из статей Грегори Дж. Эшворта, впервые опубликованная в 1994 г., в 2017 г. переведена на русский для тематического номера журнала «Неприкосновенный запас», посвященного проблемам наследия [Эшворт, 2017, с. 154–171].

дополняют *альтернативные и маргинальные дискурсы наследия* (*subaltern and dissenting heritage discourses*), часто противоречащие консенсусу и производимые «снизу». Смит уделяет особое внимание методу критического дискурс-анализа, настаивая, что то, как мы говорим о наследии, настолько же важно, как и то, какие действия мы совершаем по отношению к нему. Отдельно следует упомянуть работы, которые рассматривали «сложное» или «проблемное» наследие – места «темного прошлого». Методологические основы этого направления были заложены коллективной монографией «Диссонансное наследие: Управление прошлым как ресурс в конфликте» [Tunbridge, Ashworth, 1994]. В частности, опираясь на упомянутый коллективный труд, Джеффри К. Олик [Olick, 2013] анализирует инкорпорацию «сложных» тем, связанных с массовым насилием, в политику коммеморации. Олик показывает, как в ряде европейских стран публичное покаяние, общее чувство ответственности и справедливости выстраивали с помощью мест памяти – и наследия¹.

Сегодня разнообразие проблем в фокусе дисциплины и изученных конкретных ситуаций настолько велико, что коллективные монографии о методологии исследований наследия были опубликованы большинством авторитетных издательств академической литературы [The Ashgate research companion, 2008; Carman, Stig Sørensen, 2009 а, 2009 б; Understanding Heritage, 2013; A companion to heritage studies, 2015; The Palgrave handbook, 2015]. Для того чтобы дисциплина полноценно «состоялась», необходим собственный сложившийся и устоявшийся методологический аппарат. Не раз отмечалось, что исследования наследия «пользуются» классическими методами гуманитарных и социальных дисциплин, что, однако, не означает отсутствия своей методологии. Джон Карман и Мари-Луиза Стиг Сёренсен предлагают условно разделить методы исследования наследия на три категории – методы работы с текстами (контент, дискурс-анализ и др.); методы исследования человеческого поведения и отношения к наследию (интервью, включенное наблюдение и др.); методы изучения материальных

¹ Особенно это касается Холокоста, теме конструирования и поддержания памяти о котором посвящено множество работ [см.: Young, 1993]. С развитием историографии, посвященной памяти о Холокосте, одной из главных проблем в фокусе исследований оказываются вызовы, с которыми память о Холокосте сталкивается в тот момент, когда она становится транснациональной метафорой преступления против человечности [см.: Finkelstein, 2000; Replicating Atonement, 2017].

свойств наследия (включая семиотический анализ объектов и применение ГИС) [Carman & Stig Sørensen, 2009, p. 5]. К этому следует добавить методы изучения нематериальных (виртуальных) свойств наследия, так как изучение функционирования наследия в виртуальной реальности (в частности, в компьютерных играх) – одно из перспективных направлений внутри дисциплины.

То, как прошлое используют в настоящем, изучают и другие области знания, в частности исследования памяти (*Memory Studies*). Ряд методологических работ посвящен тому, как исследования памяти соотносятся с изучением наследия. В них наследие рассматривается как совокупность материальных и нематериальных маркеров коллективной памяти, которые помогают выстраивать и поддерживать последнюю. Диана Бартель-Буше утверждает, что локации, признанные наследием, обеспечивают физическое «основание» для космополитической памяти [Barthel-Bouchier, 2015, p. 221]. В качестве примеров она приводит узнаваемые глобально объекты, которые сегодня воспринимаются как символы территорий и государств (в их числе Кремль) [ibid., p. 223]. В то же время повсеместное взаимодействие с наследием происходит и на индивидуальном уровне (церемониальные ритуалы и туризм). Таким образом, наследие способствует формированию, циркуляции и закреплению памяти на транснациональном (глобальном), национальном, региональном, локальном, семейном и индивидуальном уровнях.

В настоящей статье нас будет интересовать определенный сегмент данного взаимодействия – сопряжение исследований наследия и политики памяти. Мы рассмотрим, как объекты наследия служат конструированию идеологически нагруженной коллективной памяти; приведем несколько примеров конкретных ситуаций (case studies), актуальных для обеих дисциплин; обсудим, какие именно методы были использованы для изучения выбранных конкретных ситуаций, что позволит говорить о гибкости и проницаемости дисциплинарных границ.

Наследие как политический ресурс

Исследования наследия последних лет расширили географический ареал в фокусе изучения. Дисциплине интересны все кон-

тиненты, контексты и сообщества, однако специалисты, работающие в западных университетах, тяготеют к исследованию Африки и Азии, в частности, под влиянием постколониальных исследований. Авторы, заложившие основу дисциплины исследований наследия, делали выводы прежде всего на материале западных стран, особенно европейских. После 1989 г. востребованным для исследований наследия и памяти стал регион Центральной и Восточной Европы, в первую очередь как территория многоликкой и масштабной трансформации. Для местных жителей изучение региона имеет самостоятельную ценность, в рамках же глобальной историографии исследования политики наследия и памяти в данном регионе занимают ограниченное место [см.: Gonzalez Enriquez, 2001, p. 218–247; Murzyn, 2008, p. 316–346; *Cities after the fall*, 2009; *Heritage, ideology*, 2012; *History, memory*, 2013; *Bringing the dark past*, 2013]. Очевидно, что апроприация наследия в Восточной Европе происходит иначе, чем в Западной, но до сих пор не была предложена теоретическая модель, адекватно объясняющая происходящее в регионе. В отличие от Западной Европы, где примирение и покаяние были выбраны в качестве инструментов преодоления травмы Второй мировой войны и дальнейшего сплочения [см.: *The politics of memory*, 2006], в Восточной Европе эти практики восприняты лишь отчасти. Одним из решений такой историографической проблемы стала тенденция рассматривать регион Центральной и Восточной Европы как пространство разворачивания войн памяти, а следовательно – и войн за наследие.

Центральная тема на пересечении интересующих нас дисциплин – использование наследия в качестве ресурса и символического капитала для достижения политических целей, интересов и амбиций. Сюда же относятся исследования о логике принятия решений в вопросах наследия. Данная тема включает также и изучение стратегий взаимодействия профессионального сообщества, гражданского общества и представителей власти в вопросах охраны и интерпретации объектов наследия (материального и нематериального). На примере конкретных ситуаций мы рассмотрим, как исследователи находят ответы на следующие вопросы.

Каковы способы и механизмы использования объектов наследия в политических целях? Какую роль играет политический интерес в процессе принятия решений о необходимости сохранения наследия или игнорирования такой необходимости? Как про-

является столкновение различных интересов при интерпретации объектов наследия? Как те или иные интересы приобретают решающее значение? Как конструируется и проявляет себя идея «права первенства» интерпретации наследия и насколько потенциально конфликтен этот принцип? Как этот принцип становится предметом манипуляций?

Примеры, которые мы приводим ниже, демонстрируют объекты наследия в условиях неконфликтного использования (1), в условиях оспаривания / конкуренции (2) и маргинализации (3). Рассматриваемые случаи включают примеры, когда оспариваются сами объекты наследия либо тот или иной объект находится на территории, оспариваемой конкурирующими группами и нарративами. В последнем случае объекты наследия «работают» на «парадигму-победителя». Несмотря на то что теоретически возможно выделить три вышеперечисленных типа использования наследия, на практике эти типы часто сосуществуют, а неконфликтное использование наследия одним нарративом обеспечивается маргинализацией другого нарратива. Многие объекты наследия обладают сложным прошлым. В ситуации конкурирующих нарративов выделяется та грань истории объекта, которая отвечает задачам контролирующего нарратива, в то время как «неудобная» грань истории объекта может намеренно замалчиваться. Такое положение дел характерно для объектов, история которых связана с насилием.

К примеру, «Тюрьма на Лонцкого» во Львове (бывшая тюрьма, музей – с 2009 г.) позиционируется как место национального страдания украинцев. Музей акцентирует преступления работников НКВД, а особенно – расстрел нескольких сотен заключенных в июне 1941 г. При этом экспозиция музея умалчивает о том, как насилие по отношению к заключенным спровоцировало эскалацию насилия (погром) в отношении евреев-львовлян в июле того же года [Himka, 2015, p. 137–166]. Другой пример – музей жертв геноцида в Вильнюсе (1992), находящийся в бывшем здании КГБ, где геноцидом считаются действия советского правительства относительно литовского народа, а история уничтожения литовских евреев вынесена за стены данного музея [Wight, Lennon, 2007, p. 519–529]. Избирателен также и нарратив музея «Дом Террора» в Будапеште (открыт в 2002 г.), расположенного в здании бывшего Управления государственной безопасности Венгрии. Исследователи не раз отмечали стремление данного музея представить венгер-

скую историю XX в. с позиции жертвы, поневоле оказавшейся между двух оккупационных режимов – нацистского и коммунистического. В то же время экспозиция музея умалчивает или обтекаемо комментирует как характер режима Хорти и режима «железной гвардии», так и участие венгерской стороны в установлении на территории Венгрии власти тех режимов, которые порицает экспозиция музея. Также, настаивая на статусе венгров как «главных» жертв, музей во многом игнорирует историю Холокоста в данной стране [Manchin, 2015, p. 236–251].

Ситуация умолчания, маргинализации и / или уничтожения объекта наследия также может быть в контексте спора за территорию, равно как в контексте «классической» конкуренции нарративов (к примеру, снос памятника Ленину в Харькове олицетворял сочетание двух таких конфликтов). Маргинализации может подвергнуться наследие недоминирующих этнических или классовых групп. Концепт наследия как ценности (материальной и символической), того, что по определению заслуживает сохранения, при этом находится в конфликте с политической повесткой дня, требующей уничтожения объекта. Смена политических режимов априори предполагает переосмысление, апроприацию либо маргинализацию «неудобного» наследия.

Со временем такое наследие может служить либо преодолению неудобного прошлого, либо дальнейшему умолчанию о нем. Самый известный пример здесь – еврейское культурное наследие, которое в некоторых локациях постсоветского пространства по разным причинам до сих пор маргинализировано, а в некоторых служит инструментом в попытках примирения (официальный нарратив мемориала «Площадь синагог» во Львове). Конкретные ситуации показывают, что в большинстве случаев присутствует смешение условий, и ранее маргинализированный объект наследия может впоследствии быть неконфликтно интерпретирован. Примеры, о которых речь пойдет ниже, указывают на то, что способы интерпретации наследия и смыслы, закрепленные за ним, меняются с течением времени. Исследователей интересует именно данная динамика смены смыслов и практик по отношению к наследию.

Идеологическое забвение и маргинализация вовсе не означают отсутствия действия и апроприации по отношению к «неудобному» наследию. В частности, Элеонора Нарвселиус показывает, как «немецкие» форты, построенные в середине XIX в. в

Кёнигсберге для защиты восточных границ Пруссии, в современном Калининграде, будучи идеологически неугодными объектами, становятся ареной музейного дела, забвения или игр в пейнтбол [Narvselius, 2018, p. 1–22]. Калининград – символически важный город для нарратива о победе в Великой Отечественной войне, так как именно война «привела» город и территории вокруг него в состав СССР. Хотя официальный нарратив настаивает на преемственности в вопросе символической принадлежности Калининграда условной «России», прусское / немецкое прошлое региона не является абсолютной фигурой умолчания. По Нарвселиус, эти два нарратива примиряются путем изобретения локальности – практик, апеллирующих к прошлому без «национальной» окраски. Форты несколько раз меняли не только свое прямое назначение, но и символический статус. Приведем некоторые примеры сегодняшнего использования фортов. Форт 5 – Музей Великой Отечественной войны (открыт в 2010 г.), один из бастионов – Музей янтаря, форт 3 – бывший военный склад, арендуемый частным лицом для проведения мероприятий. Форты Калининграда – это пример неконфликтного использования объекта наследия на ретроспективно оспариваемой территории. Целью Нарвселиус было показать, как легитимные сегодня нарративы сосуществуют с определенными способами умолчания. Исследование Нарвселиус основано на методах включенного наблюдения и интервью с лицами, вовлеченными в «работу» с фортами. Ее статья показывает, что данные методы остаются востребованными для исследований наследия.

Рассмотрим еще два примера неконфликтного использования объектов наследия со сложным прошлым, где интерпретация напрямую зависела от состояния коллективной памяти. Первый пример – Цитадель во Львове в бывшей Большой Максимилиановской башне № 2. В 2009 г. после реконструкции в башне была открыта гостиница. Брендинг гостиницы маркирует это место как пример австрийской фортификационной архитектуры и обещает гостям «любоваться Львовом сквозь призму исторических событий, среди роскоши австрийского имперского стиля, в окружении величественных пейзажей и средневекового духа» [История, б.г.]. Преднамеренно используя «беспроблемные» аспекты истории объекта, такой брендинг осознанно опускает «неудобную» историю объекта. Во время обеих мировых войн в цитадели размещались казармы различных войск, а во время Второй мировой войны –

нацистский лагерь военнопленных Шталаг-328, где последние не только содержались, но и уничтожались [вул. Грабовського, 11, б.г.]. Коммеморация военнопленных и подневольных рабочих времен Второй мировой войны не институционализована на постсоветском пространстве настолько, как коммеморация солдат, погибших на фронтах войн, жертв политических репрессий и геноцидов. Несмотря на то что решение коммерциализировать объект вызвало определенную публичную дискуссию в городе, башня осталась гостиницей.

Другим путем пошли в Фарге, местности на севере Германии недалеко от Бремена. С 2011 г. бункер «Валентин» в Фарге функционирует как мемориальный комплекс в память о судьбах подневольных рабочих, сгинувших на принудительных работах во время строительства бункера (официальное открытие состоялось в 2015 г.). Строительство началось в 1943 г. и было нацелено на создание инфраструктуры для сборки подводных лодок, чего, однако, так и не произошло. В строительстве использовался подневольный труд рабочих, пригнанных со всех концов Европы [см.: Buggeln, 2009, p. 606–632]. Будучи после войны в ведомстве военных, а с 1960-х вплоть до конца 2010 г. – немецкого военного флота, гигантское здание было режимным объектом и использовалось как склад. Создание мемориального центра стало результатом организованных усилий переживших войну бывших подневольных рабочих и финансирования со стороны федерального и государственного бюджета. Бункер в Фарге – пример, где конкуренция за объект (между военными и сторонниками мемориализации) не была открытой и доступной общественности. В то же время это пример того, как память о сложном прошлом постепенно становилась приоритетом в интерпретации места и объекта наследия, не без усилий одних акторов и противодействия со стороны других. Места, где ранее располагались лагеря, в которых содержались подневольные рабочие, также были помечены мемориальными знаками. Примеры во Львове и Фарге демонстрируют, как способы использования объектов наследия транслируют понимание состояния культуры памяти в конкретном регионе.

Историография последних лет рассматривает различные исторические периоды и на примере конкретных ситуаций показывает, как потенциально «неудобное» наследие может быть успешно и неконфликтно интегрировано в повестку дня того или иного по-

литического режима. Этого удается достичь благодаря стратегиям коммуникации между несколькими акторами. К примеру, в книге «Спасая имперский город Сталина: Сохранение исторических памятников в Ленинграде» (1930–1950) [Maddox, 2014] Стивен Мэддокс объясняет, почему в условиях крайнего дефицита ресурсов сразу после окончания Второй мировой войны столь много ресурсов было отдано на реставрацию памятников архитектуры в городе, с 1924 г. носящем имя Ленинград. Мэддокс утверждает, что к 1930-м годам объекты наследия имперской России удалось успешно интерпретировать в рамках нового советского патриотизма, опирающегося на образ славного прошлого русского народа. После войны и блокады города, а также оккупации и разрушения пригородных дворцов и парков, стремление восстановить поруганное наследие стало эффективным средством мобилизации, патриотизма и коммеморации. Восстановление былой роскоши парадных интерьеров дворцов города и области воспринималось как задача, успешное выполнение которой означало возврат к мирной жизни и окончательную победу над врагом. Музейщики пользовались этим аргументом в борьбе за ресурсы, необходимые для проведения реставрационных работ. Работа Мэддокса демонстрирует сложную агентность в вопросах принятия решений о сохранении объектов наследия. Важную роль в исследовании Мэддокса играют архивные документы, которые, наряду с газетными публикациями и статьями в специализированных изданиях 1930–1950-х годов, а также мемуарами, составляют богатую источниковую базу монографии. Это показывает, что в качестве источников для исследований наследия одинаково актуальны как интервью и включенное наблюдение, так и тексты – опубликованные или хранящиеся в архивах.

Ситуация конкуренции нескольких нарративов за публичное пространство города характерна для Восточной Европы. Особенно это актуально для городов пограничья, где сменяющие друг друга политические режимы каждый раз меняли пространство «под себя». Из примеров, среди многих, можно привести Колошвар / Клуж-Напока в Румынии (последовательная конкуренция австро-венгерского и румынского нарративов), Львов / Лемберг / Львів в Западной Украине (конкуренция австро-венгерского, польского, советского / русского и украинского нарративов), Прессбург / Братислава в Словакии (конкуренция условно немецкого, вен-

герского и словацкого нарративов), Кишинев / Кишинэу в Молдове (конкуренция имперского российского, румынского, советского и молдавского нарративов), Вильна / Вильно / Вильнюс в Литве (конкуренция российского, немецкого, польского, советского, литовского нарративов), Бреслау / Вратислава / Вроцлав в Польше. Ситуация конкуренции фиксируется в момент «перехода» города и его пространства в новое, по сравнению с предыдущим, состояние.

Рассмотрим подробнее пример Львова. В условиях смены политического режима после 1989–1991 гг. советское наследие приобрело статус проблемного. Большинство значимых объектов было делигитимировано и убрано из публичного пространства вскоре после смены режима, к примеру памятник Ленину. В то же время ряд памятников, посвященных победе в войне и погибшим в ней, оставались заброшенными, но нетронутыми. Эти памятники подверглись разрушению уже после 2014 г. в рамках декоммунизации. Собственную динамику имеет отношение к польскому наследию, связанное с попытками налаживания отношений между Украиной и Польшей, которые, однако, регулярно прерывались. Сложная и противоречивая ситуация возникает в отношении интерпретации / реинтерпретации австрийского наследия. Оно может использоваться для формирования образа города как «европейского якоря» Украины, но при этом должно быть по возможности очищено от польских коннотаций, поскольку восприятие Львова как оспариваемого пограничья до сих пор сохраняется в украинской среде. Свою отдельную динамику имеет отношение к еврейскому наследию. Период равнодушия и безразличия (1990-е годы) сменился периодом повышенного внимания, что связано с коммерциализацией «еврейской темы» (2000-е и 2010-е годы) [Narvselius & Bernsand, 2014, p. 59–84]. Таким образом, кроме украинского, во Львове развивается как минимум четыре самостоятельных сюжета в интерпретации наследия современными властями города и страны, а также общественными организациями и предпринимателями. Очевидно, что построение единой модели, охватывающей все эти процессы, будет делом затруднительным или даже невозможным.

Если советское наследие в ряде стран утратило свой былой статус, то другие виды наследия, наоборот, этот статус обретают. Случается, что наследие отсутствующей группы вдруг становится актуальным и – под воздействием комплекса факторов – вызывает массовый интерес. В условиях отсутствия «изначальных» хозяев

наследия по причине насилия (преднамеренного уничтожения или изгнания) факторами, актуализирующими наследие, являются восприятие отсутствующего как экзотики, комплекс вины и культура ответственности (если таковые имеют место). Все эти факторы присутствуют в феномене еврейского культурного наследия, а также его коммерциализации и потребления. Попытки интерпретации наследия отсутствующей (а особенно – физически уничтоженной) группы вызывают ряд проблем морального и этического порядка, в частности, о «праве первенства» на интерпретацию такого наследия [см.: Gruber, 2002].

Одна из действующих сегодня стратегий использования наследия для построения транснациональной идентичности – проекты Европейского союза. Среди них следует назвать *Европейские культурные маршруты (European Cultural Routes)*, *Дни европейского наследия (European Heritage Days)* и маркирование локаций как *места Европейского наследия (European Heritage Label)*. Все данные проекты направлены на укрепление идеи общеевропейской идентичности. Задача выстраивания европейского наследия в новых странах Евросоюза часто сопрягается с использованием в качестве «конституирующего другого» советского, а также русского, нередко представленного как советское / имперское. Практики обращения с таким наследием варьируются от физической элиминации до превращения его в фигуру умолчания на уровне публичного дискурса. В ряде стран Восточной Европы отречение от советского происходило параллельно со стремлением к европейскому.

Маргинализация может принимать и другие формы, например профанирование. Наследие часто становится предметом потребления и коммерциализации в рамках индустрии потребления. Профанирование «неудобного» наследия в посткоммунистической Восточной Европе можно продемонстрировать на примере парков коммунистических скульптур – частный парк-музей Грутас недалеко от г. Друскининкай в Литве (открыт в 2001 г.) или парк-музей под открытым небом «Мemento» вблизи Будапешта (открыт в 1993 г.). «Спустившись с пьедесталов» и перестав быть «сакральными», памятники, выставленные в парках, остаются наследием и служат назидательным целям в той же мере, как и развлекательным. Демонтаж советских памятников и скульптур как часть деконструкции в Украине – еще один сюжет, заслуживающий внимания. В то же время в Беларуси советское наследие не отрицается

и не разрушается, а, наоборот, вписано в сегодняшний нарратив. В России относительно короткий период борьбы с советским наследием в первой половине 1990-х годов сменился маргинализацией, но без разрушения советской скульптуры. Снятые в 1990-е годы в Москве памятники собраны в музее скульптуры под открытым небом «Музеон» (открыт в 1992 г.). Как показала история с восстановлением памятника М. Горькому на площади у Белорусского вокзала в Москве в 2017 г., возможно и обратное «путешествие» памятников из «парковой ссылки» на изначальное место.

Заключение

В данной статье приведены примеры конкретных ситуаций, одинаково актуальных как для исследований наследия, так и для изучения политики памяти. Работы, написанные на методологическом пересечении данных дисциплин, показывают конкретные примеры использования наследия как оспариваемого ресурса, который может по-разному быть интерпретирован в меняющихся условиях. Рассмотренные примеры демонстрируют, что диапазон сопряжения дисциплин довольно обширен, а дисциплинарные границы подвижны. Регион Восточной Европы особенно актуален для таких междисциплинарных исследований из-за высокой динамики изменений, сопровождающих трансформацию в регионе.

Список литературы

- История. – Львов, [б.г.]. – Режим доступа: <http://ru.citadel-inn.com/otel/istorija/> (Дата посещения: 20.02.2018.)
- Эшворт Г.Дж.* Культурное наследие и проблема наследования. От истории к наследию – от наследия к идентичности: В поисках понятий и мод // Неприкосновенный запас. – М., 2017. – № 114. – С. 154–171.
- Вул. Грабовського, 11 – готель «Цитадель Інн» (Велика Максиміліанська вежа № 2). – Львов, [б.г.]. – Режим доступа: <http://www.lvivcenter.org/uk/lia/objects/citadel-2-tower/> (Дата посещения: 19.02.2018.)
- A companion to heritage studies / W. Logan, M.N. Craith, U. Kockel (eds). – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2016. – 624 p.
- Barthel-Bouchier D. Cultural heritage // Routledge international handbook of memory studies / A.L. Tota, T. Hagen (eds). – L.: Routledge, 2015. – P. 221–232.

- Bringing the dark past to light: The reception of the Holocaust in postcommunist Europe / J-P. Himka, J.B. Michlic (eds). – Lincoln: Univ. of Nebraska press, 2013. – 736 p.
- Buggeln M.* Building to death: prisoner forced labour in the German war economy – the Neuengamme subcamps, 1942–1945 // *European history quarterly*. – L.: SAGE Publications Inc., 2009. – Vol. 39, N 4. – P. 606–632.
- Carman J., Stig Sørensen M.L.* Heritage studies: an outline // *Heritage studies. Methods and approaches* / J. Carman, M.L. Stig Sørensen (eds). – L.: Routledge, 2009 a. – P. 11–28.
- Carman J., Stig Sørensen M.L.* Introduction: making the means transparent: reasons and reflections // *Heritage studies. Methods and approaches* / J. Carman, M.L. Stig Sørensen (eds). – L.: Routledge, 2009 б. – P. 3–10.
- Cities after the fall of Communism: Reshaping cultural landscapes and European identity / J. Czaplicka, N. Gelazis, B.A. Ruble (eds). – Washington, DC; Baltimore: Woodrow Wilson center press: Johns Hopkins univ. press, 2009. – 368 p.
- Finkelstein N.G.* The Holocaust industry: Reflections on the exploitation of Jewish suffering. – L.; N.Y.: VERSO, 2000. – 150 p.
- Gonzalez Enriquez C.* De-communization and political justice in Central and Eastern Europe // *The politics of memory: Transitional justice in democratizing societies* / A. Barahona De Brito, C. Gonzalez Enriquez, P. Aguilar (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – P. 245–274.
- Gruber R.E.* Virtually Jewish: reinventing Jewish culture in Europe. – Berkeley: Univ. of California press, 2002. – 317 p.
- Heritage, ideology, and identity in Central and Eastern Europe: Contested pasts, contested presents / Ed. by M. Rampley. – Woodbridge, Suffolk; Rochester, N.Y.: Boydell press, 2012. – 206 p.
- Hewison R.* The heritage industry: Britain in a climate of decline. – L.: Methuen, 1987. – 160 p.
- Himka J-P.* The Lontsky street prison memorial museum: An example of post-communist megationism // *Perspectives on the entangled history of communism and Nazism: a comnaz analysis* / K-G. Larsson, J. Stenfeldt, U. Zander (eds). – Lanham: Lexington books, 2015. – P. 137–166.
- History, memory and politics in Central and Eastern Europe: Memory games / G. Mink, L. Neumayer (eds). – L.: Palgrave Macmillan UK, 2013. – 270 p.
- Lowenthal D.* The past is a foreign country. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1985. – 489 p.
- Maddox S.M.* Saving Stalin's imperial city: Historic preservation in Leningrad, 1930–1950. – Bloomington: Indiana univ. press, 2014. – 296 p.
- Manchin A.* Staging traumatic memory: competing narratives of state violence in post-communist Hungarian museums // *East European Jewish affairs*. – L.: Taylor & Francis, 2015. – Vol. 45, N 2–3. – P. 236–251.
- Murzyn M.A.* Heritage transformation in Central and Eastern Europe // *The Ashgate research companion to heritage and identity* / B. Graham, P. Howard. (eds). – L.: Ashgate publishing, Ltd., 2008. – P. 315–346.

- Narvselius E., Bernsand N.* Lviv and Chernivtsi: Two Memory Cultures at the Western Ukrainian Borderland // *East/West: Journal of Ukrainian studies*. – Edmonton: Canadian institute of Ukrainian studies, 2014. – Vol. 1, N 1. – P. 59–84.
- Narvselius E.* Demonized, domesticated, virtualized: fortification buildings as a case of Prussian heritage in present-day Kaliningrad // *Nationalities papers*. – L.: Routledge, 2018. – P. 1–22.
- New book series focuses on Critical Heritage Studies. – Gothenburg, 2017. – Mode of access: <https://criticalheritagestudies.gu.se/news/n/new-book-series-focuses-on-critical-heritage-studies-.cid1530824> (Accessed: 14.02. 2018.)
- Olick J.K.* The politics of regret: On collective memory and historical responsibility. – L.: Routledge, 2013. – 240 p.
- Pluralising pasts: heritage, identity and place in multicultural societies / G.J. Ashworth, B.J. Graham, J.E. Tunbridge (eds). – L.: Pluto press, 2007. – 236 p.
- Realms of memory. The construction of the French past / P. Nora, L. Kritzman (eds). – N.Y.: Columbia univ. press, 1997. – 642 p.
- Replicating atonement: Foreign models in the commemoration of atrocities / Ed. by M. Gabowitsch. – Dordrecht: Springer, 2017. – 353 p.
- Smith L.* Uses of heritage. – L.: Routledge, 2006. – 368 p.
- The Ashgate research companion to heritage and identity / B. Graham, P. Howard (eds). – L.: Ashgate publishing, Ltd., 2008. – 474 p.
- The Palgrave handbook of contemporary heritage research / E. Waterton, S. Watson (eds). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. – 586 p.
- The politics of memory in postwar Europe / R.N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu (eds). – Durham, NC: Duke univ. press, 2006. – 366 p.
- Tunbridge J.E., Ashworth G.J.* Dissonant heritage: The management of the past as a resource in conflict. – Chichester; N.Y.: *John Wiley*, 1994. – 299 p.
- Understanding heritage: Perspectives in heritage studies / M-T. Albert, R. Bernecker, B. Rudolff (eds). – Berlin.: Walter de Gruyter, 2013. – 210 p.
- Wight A.C., Lennon J.J.* Selective interpretation and eclectic human heritage in Lithuania // *Tourism management*. – Oxford: Elsevier, 2007. – Vol. 28, N 2. – P. 519–529.
- Young J.E.* The texture of memory: Holocaust memorials and meaning. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1993. – 398 p.